

Online ISSN 2335-2388

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2014 Nr. 26 (31)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 26 (31)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantika, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University Faculty of Humanities in Kielce.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg
Balcan Rusistics (2004)	Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
C.E.E.O.L. (2005)	Russian Language, Literature and Cultural Studies Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania
Linguistic Bibliography Online (2012)	Brill Leiden, Netherlands
Ulrichs (2013)	Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“

Respectus Philologicus

Vilniaus universitetas

Vilnius University

Kauno humanitarinis fakultetas

Kaunas Faculty of Humanities

Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail Respectus.Philologicus@khf.vu.lt

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage www.rephi.khf.vu.lt

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)

Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)

Giedrė Drėgvaitė (anglų kalba / język angielski / English language)

Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2014

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2014

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny
 w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr.
 (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab.
 (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Balta-
 rusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H),
 Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-
 Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny
 w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w
 Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych,
 dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr.
 (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab.
 (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H),
 Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H),
 Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H),
 Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego,
 dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H),
 Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H),
 Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa
- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja,

- profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starszy pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikėlionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruskowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Toker** Jeruzalės hebrajų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelsen	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Israel

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. DISKURSO IR NARATYVO TYRIMAI / BADANIA NAD DYSKURSEM I NARRACJĄ

Olga Senkāne (Latvija / Łotwa). Implied Author in Philosophical Novels.....	13
Ewa Piotrowska-Oberda (Lenkija / Polska). The Quest for Knowledge in the <i>King James Bible</i>	27
Jurgita Astrauskienė, Jadvyga Krūminienė (Lietuva / Litwa). John Webster's Drama <i>The Duchess Of Malfi</i> : The Contexts and Contests of Wit	44
Елена Бразговская (Rusija / Rosja). Человек в «точках интенсивности»: сад как пространство самоидентификации	57
Анна Дащенко (Ukraina / Ukraina). «Послесловие к запискам о надписях на бронзе и камнях» Ли Цинчжао	68
Anna Wzorek (Lenkija / Polska). Wojciech Żukrowski (jakiego nie pamiętamy) – dla małoletniego odbiorcy	87
Kristina Bačiulienė (Lietuva / Litwa). Meilės kalba Marcelijaus Martinaičio knygoje <i>Atmintys</i>	98
Ewa Anna Piasta (Lenkija / Polska). Funkcja milczenia w powieści <i>Chusta Weroniki</i> Gertrudy von le Fort.....	110
Agnieszka Łobodziec (Lenkija / Polska). Violent Black Man and the Myth of Black Macho in Eugene O'Neill's <i>The Dreamy Kid</i>	123
Svetozar Poštić (Lietuva / Litwa). To Act or not to Act: How Coleridge Changed the Way We See <i>Hamlet</i>	133

II. KALBA. VISUOMENĖ. KULTŪRA / JĘZYK. SPOŁECZEŃSTWO. KULTURA

Tatyana Skrebtsova (Rusija / Rosja). The Concepts “Centre” and “Periphery” in the History of Linguistics: From Field Theory to Modern Cognitivism	144
Лара Синельникова (Ukraina / Ukraina). Дискурсивное пространство лингвокультурного типажа «профессор».....	152
Dorota Połowniak-Wawrzonek (Lenkija / Polska). Metafora w ujęciu kognitywnym.....	166
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė, Eglė Keturakienė (Lietuva / Litwa). Amžinas dabartiškumas <i>Naujosios Romuvos</i> (1931–1940) reklamos	177
Skirmantė Biržietienė, Eglė Gabrėnaitė (Lietuva / Litwa). Eristinis argumentavimas reklamoje	190
Elżbieta Michow (Lenkija / Polska). Polskie i bułgarskie frazeologizmy somatyczne motywowane przez nazwy części ciała służących do myślenia	203
Małgorzata Krzysztofik (Lenkija / Polska). Aksjologia czasu antropologicznego w XVII-wiecznych kalendarzach gdańskich Stefana Furmana.....	217

Greta Kaušikaitė, Tatyana Solomonik-Pankrašova (Lietuva / Litwa). Vernacular Translation as Enarratio Poetarum: Cædmon's "Hymn of Creation"	230
Ирина Роляк (Lenkija / Polska). Об особенностях терминологической группы слов со значением 'цена – стоимость' / 'cena – wartość' и проблеме их эквивалентности в переводе	239
Marek Przeniosło, Małgorzata Przeniosło (Lenkija / Polska). Wilno i Wileńszczyzna w okresie ewakuacji wojsk i władz rosyjskich w 1915 r.	248
Iłona Mickienė, Rita Baranauskienė (Lietuva / Litwa). Veliuonos apylinkių pravardžių struktūros ypatumai: antrinės pravardės	262
 III. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŽLIWE KWESTIE	
Алла Дюмидова, Виктория Макарова (Lietuva / Litwa). Движение «естественное родительство» – как (как бы) противостояние обществу потребления	270
 IV. MŪSŲ VERTIMAI / NASZE PRZEKŁADY	
John R. Taylor (Naujoji Zelandija / Nowa Zelandia). Kalba mąstyme. II dalis. Vertė / Tłum. Živilė Nemickienė	283
 V. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO	
Knygų recenzijos / Recenzje książek	
Йенс Херльт (Šveicarija / Szwajcaria). КОВТУН, Н. В. (ред.), 2014. <i>Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности</i> . Москва: Флинта	295
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (Lietuva / Litwa). MAČIULIS-MAIRONIS, Jonas, 2014. <i>Pavasario balsai. 1920 metų leidimo maketo fotografinė kopija</i> . Rengėja ir įvadinio teksto autorė Virginija Babonaitė. Kaunas: Naujasis lankas	298
Michał Mazurkiewicz (Lenkija / Polska). BISKUPSKI, Mieczysław B. B., 2011. <i>Nieznana wojna Hollywood przeciwko Polsce 1939–1945</i> . Warszawa: Fijorr Publishing	302
Ewa Kula, Tomasz Maliszewski (Lenkija / Polska). LOBANOV, N. A., MAŹEIKIENĖ, N., SKVORTSOV, V. N. (Eds), 2013. <i>Continuous education as a prerequisite of the development of professional competences. Monography</i> , Saint-Petersburg	304
Anonsai / Zapowiedzi	308
 VI. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMIS / ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI	
VII. MŪSŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY	
	323

CONTENTS

I. RESEARCH OF DISCOURSE AND NARRATIVE

Olga Senkāne (Latvia). Implied Author in Philosophical Novels	13
Ewa Piotrowska-Oberda (Poland). The Quest for Knowledge in the <i>King James Bible</i>	27
Jurgita Astrauskienė, Jadvyga Krūminienė (Lithuania). John Webster's Drama <i>The Duchess of Malfi</i> : The Contexts and Contests of Wit	44
Elena Brazgovskaya (Russia). Man in the "Points of Intensity": Garden as a Space of Self-Identification.	57
Ganna Dashchenko (Ukraine). "Postface to a Catalogue on Bronze and Stone Inscriptions" by Li Qingzhao	68
Anna Wzorek (Poland). Wojciech Żukrowski (who We do not Remember) – for the Young Reader	87
Kristina Bačiulienė (Lithuania). Language of Love in Marcelijus Martinaitis <i>Atmintys</i>	98
Ewa Anna Piasta (Poland). The Function of Silence in Gertrud von le Fort's Novel <i>The Veil of Veronica</i>	110
Agnieszka Łobodziec (Poland). Violent Black Man and the Myth of Black Macho in Eugene O'Neill's <i>The Dreamy Kid</i>	123
Svetozar Poštić (Lithuania). To Act or not to Act: How Coleridge Changed the Way We See <i>Hamlet</i>	133

II. LANGUAGE. SOCIETY. CULTURE

Tatyana Skrebtsova (Russia). The Concepts "Centre" and "Periphery" in the History of Linguistics: From Field Theory to Modern Cognitivism	144
Lara Sinelnikova (Ukraine). Discourse Space of the Linguocultural Character Type "Professor"	152
Dorota Połowniak-Wawrzonek (Poland). Metaphor in Cognitive Approach	166
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė, Eglė Keturakienė (Lithuania). Eternal Contemporaneity in Advertisements of <i>Naujoji Romuva</i> (1931–1940).....	177
Skirmantė Biržietienė, Eglė Gabrėnaitė (Lithuania). Eristic Argumentation in Advertising....	190
Elżbieta Michow (Poland). Polish and Bulgarian Somatic Phrases Justified with the Names of the Parts of the Body Designed for Thinking	203
Malgorzata Krzysztofik (Poland). Axiology of Anthropological Time in Stefan Furman's Calendars of the 17 th Century Gdansk.	217
Greta Kaušikaitė, Tatyana Solomonik-Pankrašova (Lithuania). Vernacular Translation as Enarratio Poetarum: Cædmon's "Hymn of Creation"	230

Irina Rolak (Poland). On the Peculiarities of Terminological Word Group with Meaning “Value-Based Pricing” and the Problem of Their Equivalence in Translation.....	239
Marek Przeniosło, Małgorzata Przeniosło (Poland). Vilnius and the Vilnius Region in the Period of Evacuation of Russian Army and Authorities in 1915.....	248
Ilona Mickienė, Rita Baranauskienė (Lithuania). The Peculiarities of Nickname Structure in the Vicinity of Veliuona: Secondary Nicknames	262
 III. SENSITIVE ISSUES	
Ala Diomidova, Viktorija Makarova (Lithuania). Movement of “Natural Parenting” as (as if) a Confrontation with a Consumer Society	270
 IV. OUR TRANSLATIONS	
John R. Taylor (New Zealand). Kalba mūsų mintyse. II dalis / Language in the Mind. Part II. Translated by Živilė Nemickienė.....	283
 V. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE	
Book reviews	
Йенс Херльт (Switzerland). КОБТУН, Н. В. (ed.), 2014. <i>Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности</i> . Москва: Флинта	295
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (Lithuania). MAČIULIS-MAIRONIS, Jonas, 2014. <i>Pavasario balsai. 1920 metų leidimo maketo fotografinė kopija</i> . Ed. Virginija Babonaitė. Kaunas: Naujasis lankas	298
Michał Mazurkiewicz (Poland). BISKUPSKI, Mieczysław B. B., 2011. <i>Nieznana wojna Hollywood przeciwko Polsce 1939–1945</i> . Warszawa: Fijorr Publishing	302
Ewa Kula, Tomasz Maliszewski (Poland). LOBANOV, N. A., MAŽEIKIENĖ, N., SKVORTSOV, V. N. (Eds), 2013. <i>Continuous education as a prerequisite of the development of professional competences. Monography</i> , Saint-Petersburg.....	304
 Announcements	308
 VI. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION	310
 VII. OUR AUTHORS	323

Елена Бразговская*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Кафедра общего языкознания**ул. Сибирская, 24, 614990 Пермь, Россия**Тел. +79 194 440 772**E-mail: elen_braz@rambler.ru**Область научных интересов автора: семиотика, славянские языки и литература, теория перевода***ЧЕЛОВЕК В «ТОЧКАХ ИНТЕНСИВНОСТИ»: САД КАК ПРОСТРАНСТВО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ¹**

В статье рассматривается вопрос о семиотическом и когнитивном потенциале сада как композиционной формы. Материал исследования – повесть Ярослава Ивашкевича «Сады» („Ogrody”). Ее жанровой пресуппозицией в европейской художественной традиции выступают силвы, вертограды, флорилегии. В качестве означающего сад символизирует ряд абстрактных представлений, связанных с идеей пространственной топологии. Среди них – идея коллекции, жизни как возможностей выбора, жизни как упорядоченности, locus amoenus², пространство памяти, интеллектуальное пространство и др. Сад, взятый как композиция, становится иконическим отображением памяти. Каждый объект прошлого, замещаясь знаком, обретает местоположение в памяти, превращаясь в текст, что позволяет вновь воспринимать и «прочитывать» прошлое в отсутствие непосредственной рецепции. Сад обретает презумпцию текстуральности и семиотичности. Маршруты движения по памяти не имеют строгой линейной заданности. Отсюда, переходы между шестью садами жизни, о которых пишет Ивашкевич, произвольны, намечены ассоциативно. Одновременно сад как пространственная форма становится когнитивным инструментом самоидентификации. Топология садов памяти (конфигурация людей, книг, музыкальных произведений, ставших знаками-текстами) – это когнитивная карта, отражающая «самость» субъекта (selfhood, selfness). Автореферентные конструкции создают иллюзию совмещения Я (того, кто говорит) с тем Я, который становится объектом речи. Однако нарратив о себе есть только «карта, но не сама территория» (А. Кожибски).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ярослав Ивашкевич, самоидентификация, семиотика сада, репрезентация, иконический знак, художественная форма как когнитивная карта.

Я пишу, чтобы узнать, о чем я думаю.

Михаил Эпштейн

¹ Работа выполнена при поддержке гранта 0-58 П в рамках Программы стратегического развития ПГГПУ.

² locus amoenus – идеальный природный ландшафт, пространство чистой радости и наслаждения, ассоциативно сближаемое с Эдемским садом. SAMSON, A., 2011. Introduction Locus amoenus: gardens and horticulture in the Renaissance. *Renaissance studies*, Vol. 25, 1 February, 1–23.

Предварительные замечания: «Ogrody» в европейской традиции литературных садов

Основное направление статьи – *форма рефлексивности*, позволяющая субъекту не только сказать о себе в первом лице («вот я»), но и определить атрибуты своей «самости». В качестве материала исследования выбрана небольшая повесть Ярослава Ивашкевича «Сады» („Ogrody”). В центре внимания работы – семиотика сада как пространственной формы, используемой автором в качестве когнитивного инструмента самоидентификации. В рамках «поэтики интеллектуального дискурса» (С. Зенкин) не менее значимы вопросы об архитектонике памяти и механизмах конструирования ментального пространства. В решении этих задач объединяется ряд исследовательских направлений: когнитивная лингвистика, философия языка, семиотика текста.

Несколько слов о тексте польского поэта, писателя, эссеиста Ивашкевича. «Сады» впервые увидели свет в журнале „Twórczość” в 1973 г. Через год Ивашкевич публикует этот текст уже как составную часть экзистенциального триптиха „Sny. Ogrody. Sérénité”. «Сады», написанные за несколько лет до смерти автора, – это пронзительная по стилистической красоте и силе воздействия рефлексивная проза. Композиция повести – шесть относительно самостоятельных фрагментов, посвященных садам и паркам, с которыми Ивашкевич связывает наиболее значимые интеллектуальные и эмоциональные моменты своей жизни. В коротком предисловии он уточняет: мои «Сады» – это не столько воспоминания или дневники, сколько «композиция из пейзажей, людей, разговоров, событий, которые существовали в действительности или возникли в моем воображении»³. Размерность событий и характеров в этих зарисовках далека от исторической точности: здесь, как и для Гете, поэзия (Dichtung) важнее, нежели правда (Wahrheit) (Iwaszkiewicz 1974: 27).

„Ogrody” Ивашкевича включены в **европейскую традицию литературных и музыкальных «садов»** – дискурсивное пространство силв, вертоградов и флорилегий. *Сильвами* (лат. *silva rerum* – лес, сад вещей) именовались семейные хроники («домашние Библии»), которые писались несколькими поколениями. Особенно популярны они были в польской литературе эпохи барокко (Skwarczyńska 1969; Zachara 1985). С семиотической точки зрения, сильва – это коллекция текстов, для создания которых использовались различные знаковые системы. Сюда включались вербальные нарративы: упоминания о значимых событиях рода, семейные предания, анекдоты, фрагменты дневников, письма, стихи, прозаические отрывки. А наряду с ними – тексты на невербальных языках культуры: вещные знаки памяти (прясть волос, засушенный цветок), нотные записи любимых мелодий, рисунки. Невербальные тексты выполняли в сильвах функцию «свернутых» нарративов: взяв в руки засушенный цветок, можно было еще раз пережить историю любви. Сильвы характеризовались неокончателностью (писались поколениями), стилистической неоднородностью и фрагментарностью. Так, на первой странице

³ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором работы. Стихотворные переводы даются как смысловые подстрочки. – Е.Б.

сильвы А. Грабовского отмечается:

To i owo <...> silva-rerum, czyli cokowiek o czemkolwiek (Grabowski URL).
То и се <...> silva-remum, или что-нибудь о чем-нибудь.

Интерпретируя подобную систему знаков, относящихся к различным языкам культуры, читатель в итоге создавал собственный метанарратив, который связывал указанные тексты в единое пространство и одновременно позволял «дописывать» отсутствующие фрагменты повествования – реконструировать семейную хронику.

Помимо сильв жанровой предтечей литературных «садов» в европейской культуре выступают также *вертограды* и *florilegia*. Вертограды, или сборники разнотематических текстов, как правило, предназначались для поучения и просвещения («Вертоград многоцветный» С. Полоцкого). Флорилегии – это также коллекции, но уже музыкальных произведений. Организационным принципом музыкальных сюит выступает все та же стилистическая неоднородность танцевальных частей (аллеманда, куранта, сарабанда, ригодон, павана и др.). В качестве примера назову сюиту Якоба ван Эйка „Fluyten Lust-hof“ («Флейтовый сад наслаждений», 1645), включающую 150 пьес. Имя этой сюиты фигурирует в качестве названия одной из глав романа У. Эко «Остров накануне». В переносном смысле, понятие *florilegium* использовалось также для обозначения компилятивных трудов, антологий, включающих фрагменты из различных источников, чаще всего, библейских.

Еще раз подчеркну, что этимология жанровых обозначений *сильва*, *вертоград* и *florilegia* связана с семантикой *сада*: лат. *silva rerum* как сад вещей, церк.-слав. *вертоград* как сад, виноградник, лат. *flos, legere* как коллекция цветов. Понятие «сад» (*variety of gardens*) можно распространить и на культуру как таковую (Space of Garden 2008). Обратной стороной разнообразия различных «садов», или текстовых «коллекций» культуры, выступает некая организующая идея, благодаря которой достигается гармония элементов. Так, барочные сюиты обязательно писались в одной тональности. В сильвах и вертоградах объединяющая идея, чаще всего, не лежала на поверхности, и ее следовало вывести в процессе чтения.

Интерпретация литературных «садов» во многом предопределяется **символикой сада как семиотического объекта**. Барочный сад, например, выражает идею *коллекции*, в которой представлено *многообразие* единичных существований, или идею *жизни* как априорно предполагаемой свободы (в саду есть участки, где растения растут как хотят, не подчиняясь воле садовника), жизни как уже организованного семиотического пространства (*регулярный* сад), а также жизни как выбора, поскольку она похожа на лес возможностей⁴.

Сад как локус (польск. *ogród* – огороженное место) – это символ *порядка*, *организации* пространства, *гармонии* мира (Kopaliński 1990). У Я. Беме читаем:

⁴ Чеслав Милош пишет о том, что лес жизни, подобен дантовскому: *las życia, jak u Dantego* (Miłosz 1979: 20). В этом же контексте актуален «сад расходящихся тропок» Х. Л. Борхеса.

Я уподобляю всю философию, астрологию и теологию, вместе с матерью их, драгоценному дереву, растущему в прекрасном саду.

Что ознаменовал я этим подобием: сад этого дерева знаменует мир; почва – природу; ствол дерева – звезды; ветви – стихии; плоды, растущие на этом дереве, знаменуют людей; сок в дереве знаменует ясное Божество.

Люди созданы из природы, звезд и стихий: Бог Творец господствует во всех, подобно соку в целом дереве (Беме).

Еще одно значение этого символа – *сад идей*, или пространство, в котором работают философ и поэт, – актуализировано в книге Чеслава Милоша „Ogród nauk“ («Сад наук») (Miłosz 1979). Бог задумал человека как садовника, который будет возвращать все сотворенное. Неслучайно труду садовника в европейском барокко уподобляется и работа поэта. Подобно садовнику, он бросает в почву культуры зерна универсалий, ухаживает за концептами, собирает интеллектуальный урожай.

Для Ивашкевича сад – это пространство позволяющее остановить уходящее время, еще раз пережить то, что, казалось бы, уже стало безвозвратным прошлым. Шесть садов-парков становятся локусами, в границах которых память размещает «композицию из пейзажей, людей, разговоров, событий», создавая им определенную топологию, размерность (*topograficzne umiejscowienie w ogrodach*). Жизнь становится текстом, который можно «читать» многократно:

Długo nie śpię, a w mej pamięci, przed moimi oczami przechodzą ogrody, ogrody, ogrody... (Iwaszkiewicz 1974: 79).

Я долго не сплю, и в памяти перед глазами проходят сады, сады, сады...

Вот они в точной последовательности.

С первым садом связаны воспоминания раннего детства. В «заколдованном пространстве» (*przestrzeń zaczarowana*) под двумя старыми грушами часто возникали видения странных обнаженных тел: ожившие иллюстрации Гюстава Доре к Библии. Детство – время первого столкновения с опытом визуализаций, когда знак, замещая реальность, сам становится реальностью.

Сад в Тимошовке ассоциируется с постижением тайны музыки Шуберта, Малера и Брамса (*wtajemniczenie*). Прогулки под тенью старых деревьев, разговоры, составление букетов – все в этом саду было музыкой, все играло и все звучало.

Далее Бышев. Здесь пришло первое осознание ценности человеческих отношений: дружба и любовь – не что иное, как эхо, или отражение себя в другом человеке. Здесь же впервые возникало ощущение радости от умения погружаться в себя. Бышев – это начальные опыты контемплиции и философствования, попытки очертить границы своего внутреннего пространства.

Женевский парк Des Eaux Vives Ивашкевич определяет для себя как парк философов. Здесь деревья – прямые и монументальные, совершенные в своей застывшей красоте и потому такие чужие, неблизкие, похожие на стихи Пабло Неруды – словно говорят, что люди не достойны покоя и совершенной красоты

мира. В этом парке открывалась радость чистого мышления, но одновременно приходило осознание того, что знание не всегда помогает справляться с жизненными затруднениями. Так, мудрость Оппенгеймера совсем не облегчила человечеству жизнь и не научила, как избежать всего того, что стало следствием его открытий.

Парк в Палермо пронизан ароматом цветущих апельсиновых деревьев. Этот запах, в отличие от неопределенного аромата фиалки и фрезии, достаточно конкретен и говорит о полноте и многообразии жизни. Апельсиновые деревья позволяют помнить о том, что границы между ментальным пространством и физической реальностью, мыслью и ее оживлением-материализацией (*urzeczywistnienie*) очень тонки и подвижны. Парк в Палермо живет в памяти как знак того, что полнота жизни есть пространство «исполненностей» и воплощений (*spełnienie*).

Стависко – это парк уже совсем старого человека. В действительности, в имении Ивашкевича нет ни сада, ни парка. Дом стоит посреди леса, который с каждым годом все больше приближается к нему. На поле перед домом – одинокие сосны, каждой из которых уже более двухсот лет. Об одной из них, Урании, Ивашкевич напишет в год своей смерти: «Урания, сестра моя, богиня неба, погреби меня под своими корнями; под твоей кроной и я стану сосной, Уранией, ничем» (*był także był Uranią, nicością, sosną*) (Iwaszkiewicz 1980: 7). В Стависко живо воспоминание об уже несуществующем саде, где росли черешни, вишни и яблони. Это пространство (дом, лес, память) и есть «сад старого человека», сад воспоминаний. Это единственный из всех садов, о котором Ивашкевич говорит: я люблю его осенью, поскольку ощущаю его и свое одиночество, медленное угасание всего, что вокруг и внутри меня самого.

Сады Ивашкевича – это пространство, пронизанное сетью поэтических ассоциаций и скрепленное тональностью «ухода» (*przemijanie*). Здесь память, собирая моменты прошлого, позволяет вновь переживать их в минуте «сейчас». Эта минута есть *locus amoenus*, где возникает ощущение эдемской гармонии, равновесия, полноты мира. В этой точке рассуждений уже очевидно, что сад, взятый в качестве локуса, становится не просто художественным приемом, но когнитивным инструментом самоидентификации, позволяющим собрать панораму представлений субъекта о своем я, то есть, в полном смысле слова, создать это я.

Сад: презумпция текстуальности и семиотичности

Рефлексивный анализ своего прошлого возможен исключительно в форме чтения-интерпретации знаков, заместивших события и факты. Пространство воспоминаний – это пространство текстов:

То, co przeszło, to przeminęło,
Od czasu przejrzystość wzięło –
Jest niczym. A stanie się: dzieło (Iwaszkiewicz 1977: 88).

Что прошло, то исчезло,
Со временем стало прозрачнее –
Но все равно это уже ничто. А будет текстом.

Воспоминания о событиях, как и сами события, имеют пространственно-временное измерение. Им необходим «координирующий луч формы» (Мамардашвили 2000: 111), в которой события прошлого получают привязку к точкам физической реальности. Почему же композиционной формой, несомненно, автобиографического текста Ивашкевича становится сад? Каков семиотический и когнитивный потенциал этого локуса?

Прежде всего, сад как символ и композиционная форма – это **иконический знак пространства памяти**, гипертекстового по своей природе. Маршрутная карта движения по памяти не имеет строгой линейной заданности. Как и в обычном саду, направление для прогулок определяется интенцией сегодняшней минуты. Можно ходить по центральной аллее, а можно по боковым дорожкам. Или не ходить, а сидеть в беседке.

Карта воспоминаний актуализируется у человека в виде ассоциативной сети текстов, референтами которых выступают значимые точки его жизни. Подобно этому, Ивашкевич представляет пространство своей жизни в виде топологии шести локусов, шести садов, переходы между которыми лишь намечены имплицитными ассоциациями и достраиваются достаточно произвольно. Столь же произволен может быть и способ локализации событий. Воспоминания о людях и книгах закрепляются в его памяти в связи с определенным садом: начальные опыты конTEMPLАЦИИ и философствования – это Бышев, а Тимошовка – знак первого осознанного восприятия Шуберта, Малера и Брамса. Топология воспоминаний неокончательна, подвижна. Она не исключает того, что в пространство жизни будут добавлены новые сады, а некоторые события переместятся из одного сада в другой. Еще раз воспроизведу в этом контексте замечание Ивашкевича: в моих садах поэзия (Dichtung) важнее, чем правда (Wahrheit).

Сады – иконический знак ментального пространства, памяти, но не «линейной» биографии, или истории жизни. Рассказанное нельзя представить в виде хронологической последовательности, а следует воспринимать только как эмоционально пронзительное целое:

To wszystko razem nie układa się w jakiś ciąg chronologiczny, tylko w przejmującą całość! (Iwaszkiewicz 1974: 55).

Сад – «символ молодости, размышлений, потрясений, которых уже ничто не сможет заменить» (Iwaszkiewicz 1974: 38) – становится **пространством остановленного времени**. В качестве означаемого в нем существуют события, которые теперь всегда принадлежат минуте «сейчас», поскольку именно сейчас они и возникают в сознании. В саду детских воспоминаний около беседки сидит (и это уже навсегда) бабушка Чекерская. В швейцарском «парке философов» из-под деревьев выходят мыслители современности, рассуждая о человеческом предназначении, знании, вечности. И эти объекты совсем не кажутся им «предельными», непознаваемыми, превышающими возможности человеческого интеллекта. Водная гладь озера в этом парке навсегда вобрала в себя отражения лиц Адама и Юлиуша (Мицкевича и Словацкого). В парке на Сицилии медленно и неспешно, словно по

Елисейским полям, Ивашкевич вновь и вновь гуляет с давно ушедшими Каролем Шимановским и Реней Еленьской⁵. Все, кого уже нет, все, что, казалось бы, стало прошлым, продолжает «расти в воспоминаниях» (*rośnie we wspomnieniu*), обретая реальность и полноту бытия (*urzeczywistnienie, spełnienie*):

Stary ogród się staje młodziutkim ogrodem
i chodzą po nim dawni malarze poeci,
i marzą coś, i piszą, i śmieją jak dzieci <...> (Iwaszkiewicz 1977: 472).

Старый сад молодеет
и гуляют в нем поэты и художники прошлого,
и мечтают о чем-то, и пишут, и смеются, как дети.

Впечатления юности живы, поскольку след, оставленный ими в памяти, превратился в источник, питающий не только воспоминания, но и сегодняшнее творчество, сегодняшние эмоции и мысли. В этом смысле автореференция создает ощущение не просто остановленного, но расширяющегося времени, где в минуте «сейчас» представлено актуальное настоящее и не менее реальное прошлое: *я долго не сплю, а перед моими глазами (сейчас!) проходят сады, сады, сады.*

Художественная форма как когнитивная карта

В качестве художественной формы сад становится инструментом самопознания. Благодаря автореференции (актам референциального обращения к событиям своего прошлого) человек обретает возможность идентифицировать себя в различных точках времени и пространства: прошлом и настоящем. Тот *я*, который пишет сейчас (*этот сад часто снится мне*), и тот, который вспоминает, как в Бышеве *читал* «Многообразии религиозного опыта» Уильяма Джеймса, – не более чем временные и пространственные измерения одной и той же личности.

С точки зрения концепции аутопоззиса, любая живая система (человек, культура, язык) непрерывно воспроизводит и познает границы, в которых она существует, и прежде всего это границы внутреннего мира (Тарасенко 2009: 70; Луман 2007). Как объект анализа *я* скрыто от непосредственного наблюдения и требует актуализации в ходе рассказов, которые субъект создает о себе. Отсюда и размышления У. Эко: «Меня – то есть кого? Кто это – “я”? Думаю, ответить можно, перечислив, что и кого любит человек» (Эко: 2012: 34). Вот почему каждый из нас – новеллист и собственный летописец (Деннет 2003). Автонарратив – это пример типичной автореферентной системы, которая реализует «мемориальную» функцию говорящего и, очерчивая границы его памяти, обеспечивает «непрерывность» человека во времени, идентичность самому себе в точках прошлого и настоящего (Brush 1994; Eakin 1992).

⁵ Кароль Шимановский – кузен и близкий друг Ярослава Ивашкевича, известный польский композитор. Тереса (Реня) Еленьска – мать польского интеллектуала, критика и переводчика (в эмиграции) Константина (Кота) Еленьского, с которым Ивашкевича связывала дружба и долгая переписка. Тереса также обладала замечательным литературным даром.

Подобно зеркалу, помогающему человеку увидеть свое лицо, автонарратив позволяет увидеть себя со стороны: обнаружить в мире такой объект, как *я* (*selfness*):

<...> есть одно эпистемическое условие, которое нужно соблюдать для употребления грамматического первого лица. Нужно все-таки кое-что знать о себе, и проблема как раз в том и состоит, чтобы определить источник этого знания и форму овладения им (Декомб 2011: 131).

Кто же этот *я*, отразившийся в «Садах» Ивашкевича? Он тот, кто воспринимает мир не просто в многообразии физических подробностей, но словно «между», в интерференции его основных значений. Он слышит полутона звучаний, видит оттенки цвета и света (*сонный сад, укрытый легким плащом тумана*) или «туманные образы», легко переходит в пространство интеллектуальных размышлений или миров, создаваемых языками искусств – музыки и живописи. Он тот, кто в конце жизни приходит к ощущению «полноты» мира, его максимальной актуализированности, его «исполненности». А полнота и исполненность мира имеют отношение не столько к самому миру, сколько к его текстовому воплощению: значимо то, что осталось в памяти как текст. Обратная сторона такого интенсивного присутствия в мире – минуты замедленного спокойствия, отречения от физической реальности, медитативного ухода в себя, принятия конца:

<...> i wtedy do głębi czuje się samotność, opuszczenie, powolne zanikanie wszystkiego naokoło. I wszystkiego w sobie (Iwaszkiewicz 1974: 76).

<...> и тогда остро ощущается одиночество, покинутость, медленное растворение всего вокруг. И всего в себе самом.

И еще. Принимая мысль об уходе, человек (только на первый взгляд это парадоксально) в большей степени любит не столько тех людей, которые рядом, но более тех, локусом существования которых уже стали память и воображение. В этом контексте Ивашкевич говорит об Эдгаре и Эльжбете (героях повести «Слава и хвала»): «Я их очень любил, может, именно потому, что они никогда не существовали» (Iwaszkiewicz 1974: 51). В этом же контексте значимо, что в последнем эпизоде «Садов» (Стависко, «парк совсем старого человека») ни слова о семье, близких. В этом парке навечно осталось только ушедшее: минуты оккупации, режиссер Ежи Зажицкий⁶, цветы львиный зев, которые раньше украшали своим присутствием картофельное поле, обитатели «собачьего кладбища» – чудесный персидский кот Микус, попугай Кокоса, загрызенный голодной собакой в первые дни войны. В этом саду, в отличие от других, практически нет людей, даже умерших.

Значит ли это, что в ходе «интроспективного отчета» (Хофштадтер, Деннет 2003: 9) наше *я* (референт отображения) совпадает со своей знаковой репрезентацией: субъектом речи, тем, кто пишет? В акте автореференции неизбежно возникает эффект «самочуждости», когда мы видим себя в минуте прошлого как копию, оторвавшуюся

⁶ Ежи Зажицкий снимал документальную хронику во время Варшавского восстания, экранизировал повесть Я. Ивашкевича *Kochankowie z Marony* (1966).

от оригинала, как сущность, к которой следует обращаться во втором или третьем лице. В действительности, референтом отображения выступает не сам субъект, а его представление о себе, причем, сформированное к той минуте, в которой и совершается акт автореференции (Эпштейн 2004: 742; Барт 2002: 11). Когда «мысль мыслит самое себя», она, на самом деле, обращена не в полном смысле к себе, но к пространству памяти говорящего, где эта мысль проговаривается фрагментами из других текстов (Фуко 1994: 347).

Автореференция, изначально направленная на самопознание, никогда не будет совершенно прозрачной. Об этом, например, у С. Лема:

Każdy wie, że nie można odwrócić gałki ocznej tak, aby źrenica zajrzała w głębi czaszki (Lem 1988).

Каждый знает, что глазное яблоко невозможно повернуть так, чтобы зрачок обратился вглубь черепной коробки.

Или у Х. Л. Борхеса:

И быть всегда, но не собою снова (Борхес 1994: 106).

Я это я, но и другой (Борхес 1994: 121).

Личный опыт вряд ли носит полностью объективный характер, и нет смысла спрашивать, каким *в действительности* было прошлое. События и впечатления, отдаленные от данной минуты, – это уже сплав, амальгама, где их трудно и невозможно отделить друг от друга, думать о них отдельно:

<...> rzeczy na pozór oddalone od siebie stanowią jedną masę, jeden amalgamat, stapiają się z sobą i bardzo trudno jest ujrzeć je oddzielnie i myśleć o nich oddzielnie (Iwaszkiewicz 1974: 55).

Наше *я* – это «территория», а нарратив о себе – ее «карта, которая не есть территория» (А. Кожибский). Однако ценность карты определяется не только корреспондентным соответствием отображаемой реальности, а, прежде всего, возможностью ее структурирования, определения сущностных атрибутов. В этом контексте несколько заключительных замечаний о том, какое представление о самотождественности актуализируется в прозе Ивашкевича. Размещая образы своего *я* в пространствах шести садов, он не стремится индивидуализировать себя в каждой точке времени. «Сады» – не коллекция картин детства, молодости, зрелости, старости одного субъекта. «Сады» – это когнитивная карта, отражающая инвариант самого себя (*selfhood*). И именно он позволяет человеку, оглядываясь назад, говорить о себе: это все я, сейчас я другой, но все равно тот же.

М. Мамардашвили пишет о том, что путь к «собираанию себя», к определению границ своего сознания начинается в «точке интенсивности» (Мамардашвили 1999: 141). Ивашкевич обозначает эту точку как *skupienie* – предельную степень

сосредоточенности, самоуглубления, контемплиации. В этой точке рождается форма – композиционный рисунок садов, в которых актуализируются события и вещи прошлого. Рисунок всегда отличен от «действительного» положения дел. Однако дело не в формальной разнице конфигураций, а в том, что форма-композиция помогает проявить смысловой и аксиологический потенциал прошлого, то есть себя самого. Оттого в «Садах» Ивашкевича, как и во всех текстах памяти, форма-композиция становится локусом мышления, и она предельно семиотична.

Литература

- БАРТ, Р., 2002. *Ролан Барт о Ролане Барте*. Сост., пер. с фр. и послесловие С. Зенкина. Москва: Ad Marginem.
- БЕМЕ, Я., онлайн. *Аврора, или Утренняя заря в восхождении*. Режим доступа: <http://www.lib.ru/INOOLD/БЕМЕ/auroga.txt> (см. 02.05.2014).
- БОРХЕС, Х. Л., 1994. *Сочинения в трех томах. Том III. Стихотворения. Устные выступления. Интервью*. Пер. с исп. Рига: Полярис.
- ДЕННЕТ, Д. К., 2003. Почему каждый из нас является новеллистом. *Вопросы философии*, № 2, 121–130.
- ДЕКОМБ, В., 2011. *Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица*. Пер. с фр. М. Головановской. Москва: Новое литературное обозрение.
- ЛУМАН, Н., 2007. *Социальные системы. Очерк общей теории*. Пер. с нем. И. Д. Газиева. Санкт-Петербург: Наука РАН.
- МАМАРДАШВИЛИ, М., 2000. *Мой опыт нетипичен*. Санкт-Петербург: Азбука.
- МАМАРДАШВИЛИ, М., 1999. *Картезианские размышления*. Москва: Прогресс.
- ТАРАСЕНКО, В. В., 2009. *Фрактальная семиотика*. Москва: URSS.
- ФУКО, М., 1994. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Пер. с фр. В. Визгина и Н. Автономовой. Санкт-Петербург: А-сэд.
- ХОФШТАДТЕР, Д., ДЕННЕТ, Д., 2003. *Глаз разума*. Пер. с англ. М. А. Эскиной. Самара: Издательский дом «Бахрах-М».
- ЭКО, У., 2012. *Пражское кладбище*. Пер. с итал. Е. Костюкович. Москва: Астрель CORPUS.
- ЭПШТЕЙН, М., 2004. *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*. Москва: Новое литературное обозрение.
- BRUSH, С. В., 1994. *From the Perspective of the Self: Montaigne's Self-Portrait*. New York: Fordham University Press.
- EAKIN, P. J., 1992. *Touching the World: Reference in Autobiography*. New York: Princeton University Press.
- GRABOWSKI, A., онлайн. *Kronika domowa, rodzinna, osobista i postronna: rok 1864 i następnie*. Режим доступа: https://www.google.ru/search?q=Grabowski+A.+Kronika+domowa&ie=utf-8&oe=utf-8&aq=t&rls=ru.rambler.ru:official&client=firefox&gfe_rd=cr&ei=dCxuU7XuO8-9wAP-fsID4CQ (см. 17.03.2014).
- IWASZKIEWICZ, J., 1974. *Ogrody*. Warszawa: Czytelnik.
- IWASZKIEWICZ, J., 1977. *Dziela. Wiersze*. Tom II. Warszawa: Czytelnik.
- IWASZKIEWICZ, J., 1980. *Muzyka wieczorem*. Warszawa: Czytelnik.
- KOPALIŃSKI, W., 1990. *Słownik symboli*. Warszawa 1990.
- LEM, S., 1988. *Maska*. Kraków: Wydawnictwo Literackie. Режим доступа: <http://ebookbrowse.com/lem-stanislaw-maskarft-d259181457> (см. 20.02.2013).
- MIŁOSZ, Cz., 1979. *Ogród nauk*. Paryż: Instytut Literacki.
- SKWARCZYŃSKA, S., 1969. Карьера литературная форм родовых „silva”. *In: Europejskie związki literatury polskiej*. Warszawa: UW.
- Space of Garden – Space of Culture*, 2008. Ed. G. GAZDA, M. GOŁĄB. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- ZACHARA, M., 1985. *Szlacheckie sylwy i ich funkcje w życiu społecznym, kulturze i mentalności XVII wieku*. Warszawa: PWN.

Elena Brazgovskaya

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia

Research interests: semiotics, Slavic languages and literature, translation theory

MAN IN THE “POINTS OF INTENSITY”: GARDEN AS A SPACE OF SELF-IDENTIFICATION

Summary

The article deals with the issue of semiotic and cognitive potential of a garden as a compositional form (“Ogrody” by Jarosław Iwaszkiewicz). *Silva rerum*, *florilegia*, *hortus* act as its genre presupposition in European artistic tradition. We define the semiotic potential of a “garden” through the system of symbolic meanings: garden as a collection, *locus amoenus*, sphere of potentiality or ordering, garden as a memory space, intellectual space, etc. The garden via a compositional form of this text and the space of thought functions as an iconic sign of memory. Each object of the past, being replaced by a sign, receives localization in our memory and becomes a “text”. This allows us “to read” the past in the absence of an immediate reception. Garden acquires the properties of textuality and a semiotic object. Hence Iwaszkiewicz considers six gardens in “Ogrody” as a model of his life. Memory is a nonlinear space. Therefore, transitions between gardens are only arbitrary, associative. At the same time garden as a compositional form becomes the cognitive tool of identity. Topology of this memory space (configuration of people, books, music, which become signs) is the cognitive map of the “self (selfhood, selfness). The self-referent structures create the illusion: I (the one who writes) is combined with that person from the past (also I), which he recalls. Nonetheless, all narratives about selfhood are only “the map, but not a territory” (A. Korzybski).

KEY WORDS: Jarosław Iwaszkiewicz, self-identity, semiotics of garden, representation, iconic image, art form as a cognitive map.

Gauta 2014 05 15

Priimta publikuoti 2014 08 11